

DOI: 10.25629/НС.2024.12.10

УДК: 2.27 94

ВАК: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

СУИЦИД «ПОЗОРА»: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ СУИЦИДА В ЮЖНОКОРЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Денисюк В.О.

Клиника АО «Медицина»

Аннотация

Ввиду того, что психоанализ как направление развивался в Европе, а, затем стал распространяться на Западе, где он применяется достаточно широко и в настоящее время, совсем не удивительно, что Азия, с её спецификой, особым мировоззрением, особой культурой и философией, до настоящего времени остается «слепой» зоной для теоретического и практического психоанализа. Известно, что суицид, как глобальная проблема распространен во всем мире, однако, среди азиатского общества суицидальные тенденции вызывают особенное беспокойство. Южная Корея в этом отношении является уникальным феноменом. Особенности ее истории, культуры, религии и совершенно отличное, от привычного нам общества, которое за несколько десятилетий превратило страну из трущоб в развитую страну с передовой экономикой мира – всё это порождает глубокий интерес к исследованию общества этой страны «самоубийц», что расплачивается за успех, в жертву которого принесено психическое здоровье целой нации. Или же, всё началось куда раньше, за сотни лет до столь тяжелого периода? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо поэтапно разобрать причины, приводящие к суициду в Южной Корее, а также рассмотреть их с точки зрения психоанализа. Чтобы реализовать это необходимо обратиться как к истокам истории южнокорейского общества, так и к истокам психоанализа.

Ключевые слова

суицид, психоанализ, психология, депрессия, Южная Корея, идентичность, нарциссизм, суицидальное поведение, конфуцианство

Введение

Актуальность проблемы суицида невозможно переоценить. Суицид, являясь одной из ведущих причин смерти среди молодого, трудоспособного населения, имеет огромное значение и влияние на общество и все сферы жизни.

В современном мире психоаналитическая психотерапия играет важную роль в профилактике суицида. Исследование самоубийства с точки зрения психоанализа многому научило нас о внутренних процессах человека, приводящих к самоубийству. Центральное место в психоаналитическом подходе к суициду занимает понимание внутреннего субъективного переживания пациентом невыносимой эмоциональной или психической боли и острой потребности в облегчении.

Однако, не так много работ в психоаналитическом подходе, освещающих социально-культурное влияние и рассматривающих проблему суицида, как многофакторного феномена. Еще меньше работ, где освещалось бы рассмотрение применимости психоаналитических теорий в азиатском обществе с их особой моделью восприятия мира. Известно, что суицид – это не сиюминутная реакция, а сложное явление, которое начинается с суицидальной мысли со многими факторами, накапливающимися поэтапно [19]. Личностные факторы, психические расстройства и социокультурные факторы – все вместе приводят к этому необратимому исходу [15]. Поэтому важным является исследование имплицитных процессов и их роли в

суицидальном поведении совместно с изучением и пониманием устройства общества, его мировоззрения, особенностей культуры, религии и социальной среды.

Говоря о Южной Корее, следует отметить, что вот уже с 2003 года по общему уровню самоубийств Корея занимает первое место среди стран ОЭСР [22], а также постоянно находится на лидирующих строчках в мировой статистике. К сожалению, из года в год эти показатели только растут, за что страну негласно называют «страной самоубийц».

Для того, чтобы разобраться в такой сложной и многогранной проблеме, как суицид, необходимо пройти путь от истоков психоанализа до современных взглядов психоаналитического общества, а также учесть моменты, связанные с внешними факторами, в которых находится индивид. Для этого будет проведен анализ культурных, религиозных, исторических и социальных факторов, которые будут рассмотрены с точки зрения психоанализа. А в качестве объекта исследования будет взято общество одной из самых интересных, с точки зрения феномена суицида, стран – Южной Кореи.

Взгляд классического психоанализа на проблему суицида

Говоря об истоках психоанализа, стоит упомянуть, что сам Фрейд [24] всегда был озабочен темой саморазрушения, которая сначала (до 1910 г.) обсуждалась в рамках теории либидо и лишь позднее, в 1920-е гг., была признана проявлением влечения к смерти. Единственным исключением в «движении жизни к смерти» [24] является Эрос. Объединив либидинозный инстинкт и инстинкт самосохранения, Эрос «скрепляет все живое» [11]. Кроме того, Фрейд считал, что привязанность другого человека к объекту служит средством выживания. Но каждое явление, доведенное до крайности, превращается в свою противоположность. Когда привязанность становится слишком сильной, объект может перестать быть нашим союзником в борьбе со смертью и вместо этого начать провоцировать поведение, направленное на поиск смерти. Только посредством процесса идентификации с объектом человек, по Фрейду [9, 10], способен покончить с собой. Если это так, то, покончив с собой, человек не только убивает себя, но и уничтожает узурпировавший Эго внутренний объект. Не случайно под классической концепцией самоубийства часто понимают «самонаправленную агрессию» [6] или «убийство в 180-й степени» [32].

Некоторые современные психоаналитики, придерживающиеся классической традиции, утверждают, что самоубийство, «как и все остальное в психической жизни, представляет собой компромиссное образование» [4].

Например, Бибринг [3] в своей классической статье о депрессии ставит под сомнение акцент Фрейда на карательной природе Супер-Эго как источника фатальности. Он полагает, что Эго умирает не потому, что на него нападает высшая сила и, оно получает удовольствие от оскорблений, а потому, что оно продолжает держаться за недостижимые и нереалистичные цели, что заставляет его чувствовать себя бессильным и безнадежным.

В целом, можно увидеть, что для фрейдистских психоаналитиков самоубийство означает разные вещи – от триумфа и удовлетворения Эго до невыносимых страданий, которые, в конце концов, превысили даже высший уровень толерантности. Мы все рождены, чтобы разрушать – других и себя. Мы также рождены для любви. Но, хотя любовь существенно ограничивает наши деструктивные импульсы, она может участвовать и почти всегда участвует в разрушении [29].

Несмотря на то, что саморазрушение считается патологией, Фрейд и его последователи также описывают его как вполне естественный поступок для человека, охваченного чувством вины. Как социальных существ, нас ведёт к смерти совесть; как психические существа, мы стремимся к смерти как к разрешению внутренних конфликтов, как биологические организмы мы просто не можем противостоять естественному закону жизни. Фрейд создает телеологическую концепцию смерти. Смерть – это не «чистый факт», который «приходит к нам извне» [31], а скорее «истинный результат и в этом смысле цель жизни» [7].

Однако, стоит заметить, что влечение к смерти не было легко и искренне принято даже самыми преданными учениками Фрейда. Фактически, это вызвало глубокий скептицизм у подавляющего большинства фрейдистов. Возможно, единственным аналитиком, который полностью принял и включил это в свою теорию, была Мелани Кляйн. Кляйн не просто расширяет идеи Фрейда. Она предлагает новый взгляд на влечение к смерти. По мнению Кляйн, действие влечения к смерти начинается в тот самый момент, когда мы рождаемся; точнее, во время рождения – крайне болезненного и травматичного процесса, представляющего собой борьбу между инстинктами жизни и смерти (Klein, 1948).

Следуя по стопам Фрейда и Абрахама [8], Кляйн [16] обсуждает самоубийство в контексте маниакально–депрессивного расстройства; но в отличие от своих предшественников она не склонна рассматривать это как хладнокровное убийство. Для Кляйн это не просто акт агрессии/подчинения с либидинальным подтекстом (как это обычно изображается в классическом психоанализе). Нацеливаясь на плохой интроект, самоубийство может преследовать еще одну неявную цель – сохранить хороший объект. По мнению Кляйн [17] «это... всегда стремится спасти свои любимые объекты, внутренние или внешние».

По мнению Винникотта, другого представителя британской школы объектных отношений, самоубийство вызвано крайним отчаянием, а не крайней патологией. Согласно Винникотту [35] самоубийство, совершенное ради истинного «я», – это целенаправленный поступок, осмысленный и логичный в данных обстоятельствах.

Одним из первых авторов, выдвинувших проблему самости в психоанализе, была Карен Хорни. Ненависть к себе вызвана попытками угодить за «тиранией должного» (состоящей из неумолимого и нереального внутреннего диктата), иными словами, стремясь к совершенству, человек отказывается от своего настоящего «Я». Как только это происходит, у человека остается только идеализированное «Я» и фактическое (презираемое) «Я», то самое, которое выходит на свет каждый раз, когда первому не удается сыграть роль супергероя. «Гнев гордого «я» из-за того, что настоящее «я» унижает и подавляет его на каждом шагу» [1] настолько силен, что становится важным фактором самоубийства, «самого крайнего и окончательного выражения саморазрушения».

В хорнианском психоанализе утрата себя порождает немедленный мощный протест и вдохновляет на отчаянный поиск его замены: настоящей гордости и реальных достижений. Не так обстоит дело в самопсихологии Кохута. По мнению Кохута [20,21], тревога дезинтеграции оказывается сильнее страха смерти, она может заставить людей совершить самоубийство, чтобы предотвратить самоуничтожение еще большей величины, а именно разрушение их человеческого потенциала. Таким образом, в контексте теории Кохута самоубийство рассматривается как попытка вернуть последние остатки человечности, последняя попытка быть «верным нашему сокровенному замыслу» и, наконец, как «исправительный акт – желание изгладить невыносимое чувство унижения и безымянного стыда».

Однако в общей тенденции отказа от влечения к смерти есть исключения. Одним из них является возвращение Лакана к Фрейду. По мнению Лакана [23], влечение к смерти «притягивается к самой полной форме утраты, которую оно уже знает». Эти знания приходят к человеку в младенчестве. Младенцы, родившиеся до того, как научились контролировать свое тело, очарованы четко выраженными изображениями в зеркале. Они влюбляются в свою целостность и считают, что она принадлежит им самим. Истина такова: они никогда не преодолеют разрыв между своей неполноценной и фрагментированной личностью и своим совершенным отражением, но пока им удастся самообман, они могут противостоять влечению к смерти. «Между субъектом и его желанием смерти, – пишет Шнейдерман [32] – стоит нарциссизм». Последнее понимается как идентификация с образом [28]. Когда эта идентификация оказывается под угрозой, вполне вероятно, что произойдет самоубийство. Лакан [23] рассматривает это как заключительный акт самоутверждения человека и, конечно же, как акт, вдохновленный желанием: «Как отражающая поверхность озера оказалась фатальной для Нарцисса, так и зеркало в руках лакановского ребенка. Последний обречен «навсегда преследовать это отражение» и искать способы слиться с ним.

Как мы видим, хотя психоаналитические основы понимания самоубийства значительно различаются, подходы к терапии, как правило, гораздо более единообразны. Разные авторы подчеркивают разные аспекты лечения, но в целом приходят к схожим выводам. Все согласны с тем, что в случаях угрозы самоубийства следует активно искать и поощрять позитивный перенос [25, 26]. Большинство клиницистов считают, что, имея дело с клиентом, склонным к суициду, терапевт должен твердо отказываться принять желание клиента умереть. Объединяясь с силами, поддерживающими жизнь, терапевт должен объявить войну влечению к смерти и, сделать это открыто и недвусмысленно. Однако следует признать, что существует тонкая грань между отказом поддержать саморазрушительные импульсы клиента и неспособностью или нежеланием их терпеть. По мнению Джейкобса [13], самым трудным аспектом терапии суицидальных людей является поддержание эмпатических отношений и «встреча с призраком смерти вместе с пациентом». В психоаналитической литературе концепция эмпатии была популяризирована Кохутом [21], который определил ее как инструмент опосредованного самоанализа, наделенный мощным лечебным потенциалом. Не случайно многие специалисты в области психического здоровья, работающие с суицидальным населением, основывают свое лечение на клинических принципах, разработанных Кохутом и его коллегами.

Суицид в Южной Корее

До настоящего времени, в Корее самоубийство часто рассматривают как аморальное поведение, а не проблему общественного здравоохранения [2]. Стигма вокруг самоубийства, которая уходит корнями в Корейские нормы и социальные ценности, считает людей, склонных к суициду, нежелательными [14]. В целом, культуры Восточной Азии демонстрируют высокий уровень стигматизации самоубийства, рассматривающие его как коллективную неудачу. Эта стигма распространяется и на членов семей умерших [33]. Работая в рамках конфуцианства и коллективизма, Азиаты чаще недооценивают серьезность суицидальных симптомов и реже обращаются за профессиональной помощью. Действительно, общество азиатского происхождения склонно скрывать суицидальные мысли и неохотно раскрывают такие мысли другим [27]. Более того, стигматизированные культурные убеждения не позволяют людям, склонным к суициду, обращаться за соответствующей помощью. Различия в стигме самоубийства между странами указывает на влияние культурных верований и общих принципов социального воспитания самоубийства.

Тенденция жителей Восточной Азии к тому, чтобы скрыть суицидальные симптомы и недооценить тяжесть проблем психического здоровья можно объяснить культурными аспектами [12], особенно в отношении коллективизма. Культуры Восточной Азии демонстрируют высокий уровень коллективизма, который подчеркивает семью, принадлежность и сознание «Мы». В отличие от индивидуалистического общества, которые подчеркивают значимость «Я» над группами, коллективистские общества не одобряют различия или отклонения от внутригрупповых норм и вместо этого отдают предпочтение гармонии и согласию. Людей с суицидальными мыслями часто называют ненормальными и отклоняющимися от ожидаемой нормы. Различия с меньшей вероятностью будут приняты социумом, что удерживает людей в коллективистских культурах от раскрытия информации о проблемах психологического здоровья, требующих помощи.

Коллективизм Кореи, имеющий конфуцианские корни, подчеркивает обязанность родителей перед детьми и наоборот – обязанность детей перед родителями. На практике получается, что для сохранения единства семьи, родители обязаны обеспечивать детям их будущее, а дети должны соответствовать ожиданиям своих родителей. И вся трагедия начинается, когда кто-то из этой пары не может выполнять свою роль.

Дети живут в постоянной тревоге, что они не смогут поддерживать ожидания семьи, т.е. не сдадут выпускные экзамены, не поступят в лучший университет, не найдут престижную работу и т.д. А родители, которые с возрастом становятся всё более подверженными проблемам со

здоровьем, чувствую себя обременительными для своих детей, ощущая беспомощность в возможности дать детям то, что они должны, согласно нормам и убеждениям социума.

Таким образом, мы видим ярко выраженный архетип коллективного бессознательного. Архаичность всех этих норм и правил настолько глубоко укоренилась в обществе, что это создает уникальный феномен корейской культуры. О роли коллективного бессознательно в своих работах говорил Юнг, который глубоко изучал эту тему. Следует отметить, что из всех направлений психоанализа, Юнгианский анализ – чуть ли не единственный, прижившийся в азиатских странах. Вероятно, это связано как раз с большим вниманием Юнга к коллективизму, его изучению и влиянию на психическую жизнь. Так же, теория архетипов и синхронии, по-видимому, близка азиатской философии, что сделало возможным внедрение психоанализа в культуру этого общества.

Со стороны психологического подхода рассмотреть так называемую «образовательную лихорадку» Кореи, которую подпитывают в детях родители, стремящиеся отдать всё для их обучения, можно было бы в ключе реализации родителей через своих детей. Использовании ребенка, как инструмент для достижения результата, который они не смогли достичь. Ребенок становится своего рода фаллическим инструментом и, в этом смысле, достижение детей демонстрируются в обществе, сравниваются и порой буквально приписываются своим собственным достижениям. Но так ли это?

По мнению автора, не всё столь однозначно. И то, что мы могли бы применять к обществу западному, с его культурой, взглядами на жизнь и традициями, совершенно не применимо к азиатскому обществу. И, в данном случае, в стремлении родителей дать детям лучшее образование и в желании обеспечить ребенку жизнь в достатке со всеми ее привилегиями, является не только, а может быть совсем не реализация собственных амбиций, а в реальном стремлении поддержать детей, т.е. это является средством обеспечения и выполнения родителем его функции и сохранении семейных уз, что идет из особенностей истоков этого общества. И это совсем не исключает того, что данные действия приводят к огромному академическому стрессу, который является главной причиной суицида у подростков в Корее, ввиду неоправданных надежд семьи и вложенных в него средств.

Помимо этого, в обществе Южной Кореи присутствует склонность к негативной самооценке, в результате чего, любая неудача приравнивается к личным недостаткам, которые и явились причиной проблем. Человек считает себя бременем и недостойным, примером позора.

Под влиянием западной культуры, в последнее время, в Корее, появляется стремление к индивидуализму молодого поколения, однако, это становится еще большей трагедией, так как трансформации приводят болезненному разрыву в традиционном единстве семьи и поколений, что является возрастающей напряженностью и конфликтами внутри семьи, что также связано с высоким риском самоубийств. И здесь вновь нельзя не обратиться к рассуждениям Юнга, которого всегда занимала тема индивидуального и коллективного, о том, что человек, решивший выйти из коллектива, решивший стать на путь индивидуализации, попадает в одиночество и платит определенный выкуп за этот отрыв себя от коллективного.

Нарциссизм, проблема идентичности и их роль в проблеме суицида в Южной Корее

У пациентов с нарциссической патологией переживание непреодолимого стыда и других негативных аффектов может парадоксальным образом сосуществовать с отстраненным, решительным состоянием ума, которое способствует целенаправленным, плановым и потенциально смертельным суицидальным действиям. У некоторых решимость умереть может сопровождаться повышением свободы воли, ощущением, что, принимая это решение, пациент проявляет инициативу и контролирует ситуацию [5, 30].

Это временное чувство господства может подавить внутреннее смятение и привести к спокойному, отстраненному и решительному состоянию ума. Кроме того, пациенты с нарциссической патологией часто испытывают трудности с осознанием и обозначением собственных эмоций [30], что снижает вероятность проактивной идентификации и коммуникации о негативных

внутренних потрясениях. Характерологические когнитивные паттерны, которые минимизируют переживание эмоций, такие как гиперинтеллектуализация, изоляция аффекта и когнитивная минимизация эмоциональных событий, также могут способствовать отстраненному и потенциально смертельному состоянию ума. Все это делает суицидальные наклонности у пациентов с патологическим нарциссизмом очень сложными для оценки, поскольку они могут быть не настроены на свой собственный аффективный опыт до начала действия и/или могут свести к минимуму суицидальные переживания. Кроме того, когда пациенты впадают в отстраненное и решительное суицидальное состояние, они с большей вероятностью скрывают плановое намерение.

Самоубийство при патологическом нарциссизме связано с неожиданными или сложными жизненными событиями, особенно с потерями, связанными с самооценкой, честью или принадлежностью в контексте работы, финансов, отношений или социального статуса.

Говоря о связи суицидального поведения с нарциссизмом в южнокорейском обществе, по мнению автора, стоит обратить внимание на уязвимость к нарциссически травматическим переживаниям, которые разрушают чувство собственного достоинства, свободу действий и веру человека в способность справиться с ситуацией, часто с непреодолимыми чувствами неудачи, унижения, позора и ярости. Стыд имеет тенденцию усиливать избегание и направленную на себя агрессию, что увеличивает риск суицидальных попыток, которые имеют серьезные намерения и приводят к летальному исходу. Здесь, просматривается некая связь с концепцией «Трагического человека» Кохута, который полон страданий из-за своих недостатков, своей никчемности, неудач, что в контексте данного исследования очень перекликается с тем, с чем сталкивается современное общество Южной Кореи.

С учетом особенностей южнокорейского общества, описанных выше, становится очевиден факт значительного внутреннего конфликта, присущего этим людям. Борьба между своими желаниями и требованиями общества создают благоприятную почву для возникновения проблемы идентичности, что в свою очередь повышает уязвимость к суицидальным состояниям.

Речь идет о трудностях, присущих в процессе прихода к ощущению себя как целостной личности, использовать свои собственные качества, способности и потенциал для роста.

Идентичность можно рассматривать с точки зрения ее сознательных аспектов: переживания того, кем ты являешься, находясь в обществе, включая ценности, жизненный выбор и обязательства, которые определяют человека в мире. Не менее важны и неосознанные аспекты идентичности, которые влияют и помогают определить выбор, который человек делает, осознавая обязательства. Эти неосознанные аспекты идентичности связаны с ожиданиями относительно межличностных отношений и другие переживания, страхи и конфликты, которые удерживают аспекты собственного опыта от осознания. Чрезмерная тревога, конфликты и потребность в избегающих или диссоциативных защитах может помешать развитию и помешать полному признанию и реализации своих истинных возможностей.

Всё это имеет каскадный и умножающий эффект, влияя на бессознательные суждения о себе, избирательное внимание, которое человек уделяет социальной обратной связи, реляционным отношениям, ожиданиям и то, как человек реагирует на жизненные возможности и вызовы.

Вопросы, связанные с развитием идентичности и проблемы с полным осознанием себя происходят на протяжении всего жизненного цикла. Постепенно человек сталкивается с растущим давлением, заставляющим их делать жизненный выбор, который поможет определить, кем они являются. Но что происходит, если общество уже решило за человека, какой должна быть его жизнь. Если общество и культурные нормы уже определили, что считается «правильной жизнью».

По мнению автора, в таком случае развитие идентичности стоит под угрозой, а тревога и внутренние конфликты блокируют возможность двигаться путем индивидуализации. Оценка качеств индивида и его способностей путем стигматизированных суждений и правил, сильно влияет на жизненный выбор. Таким образом, формирующаяся личность может двигаться по

пути межличностного и социального определения. Идентичность в таком случае будет основана на искаженном самопознании.

Кроме того, нарастание тревоги из-за несоответствия ожиданиям общества и внутренние противоречия могут привести в конечном итоге к суицидальному поведению, как единственно возможному пути для избавления от всё более нарастающего напряжения, страха провала, позора и несоответствия установленной «нормальности».

Особенность корейского общества, в том, что, для принятия в себя, оно требует от человека соответствовать жестким критериям, а если этого не происходит, то он становится изгоем. И, порой, не только он, но его семья, если она не разрывает связь с индивидом. А так как потребность в принадлежности является фундаментальной человеческой мотивацией, то в подобной ситуации человек начинает либо отчаянные попытки установить и сохранить отношения с обществом или же происходит разочарование и бесцельность, когда потребность принадлежать остается неудовлетворенной. Некоторые исследования в этой области показали, что опыт «нарушенной принадлежности» является одним из критических состояний, делающие возможным самоубийство [14]. Нарушенная принадлежность тесно связана с психоаналитической концепцией одиночества, которое уже давно признано отчаянным и невыносимым опытом, который может ускорять суицидальные мысли и поведение [1]. Мальцбергер [25] описал одиночество как «опыт безнадежный... Люди сделают все, чтобы избежать этого опыта».

Делая отсылку в этом вопросе к фрейдистской теории, можно вспомнить, что ещё в первой топике Фрейд размышлял об идентичности практически как о синониме Эго, которое является результатом ряда идентификаций с объектом привязанности. В процессе идентификации ребенок формирует своя «Я» по образцу родительских фигур. При этом на бессознательном уровне происходит интроекция родительских фигур, формируя таким образом Суперэго.

Но идентичность, с точки зрения автора, это довольно сложный и долгий процесс. И, здесь, автору ближе размышления Лакана. Если рассматривать Лакановскую теорию, то опыт идентичности фундаментально отчужден и составляется благодаря идентификации с множеством чужеродных элементов. Само понятие идентификации по Лакану, отражает нескончаемый конфликт реального с воображаемым.

В свете выше сказанного нарушение идентичности, вероятно, связано с утратой связи с важными Другими, в которых ранее связывалась идентичность.

В настоящее время вопросы идентичности являются актуальной проблемой в условиях глобализации, когда под влиянием одной культуры, мы наблюдаем унификацию другой, что приводит к утрате идентичности представителей последней.

Возвращаясь к Лакановской концепции идентичности, интересно заметить, что вхождение в поле той или иной культурной среды и социума происходит параллельно с процессом идентификации с отцовской фигурой, когда осознаются запреты и рамки дозволенного. Это и есть начало формирования эмоциональных связей с социальной и культурной средой государства, где последнее схоже с отцовской фигурой, несущее запреты и правила.

Далее же происходит вычленение тех черт социально-культурной среды, с которыми человек себя идентифицирует, но при этом другая часть осознает свою индивидуальность, то, что отличает его от этой среды и то, что индивид не принимает в ней. И, вот здесь, вероятно, происходит один из ключевых моментов, различающих людей общества коллективистов и людей общества индивидуалистов.

Таким образом, мы видим, что процесс идентификации крайне сложен и длителен и, носит крайне индивидуальный и субъективный характер и зависит как от конкретной личности, так и от окружения, в котором личность формируется. А нарушения этих процессов несут разрушающее воздействие на психику и приводят к возникновению суицидальных мыслей.

По мнению автора, вероятно, проблема идентификации является одним из ведущих механизмов депрессии в южнокорейском обществе. Интересен тот факт, что в опросных исследованиях Южной Кореи распространенность депрессии значительно занижена из-за того, что

участники не отвечали или занижали данные из-за страха, что раскрытие их истории депрессии может привести к дискриминации или избеганию со стороны сообществ, что обусловлено культурой и традициями [34]. И, этот факт заставляет задуматься уже сейчас о том, возможно ли применение техник психоанализа в некоторых культурных средах.

Психоанализ рассматривает депрессию как тип психологических реакций на утрату. Любая значительная потеря вызывает страх, тревогу и гнев. Фрейд сравнил психические процессы, связанные с утратой, с теми процессами, которые протекают в депрессии. Способность горевать – это адаптивная способность, включающая в себя отказ. Тем, кто подвержен депрессии, сложнее расстаться из-за глубинных трудностей с переносом фундаментальной обособленности любимого объекта.

Оплакивать потерянную вещь – один из способов оправиться от депрессии. Это то, что происходит в ходе самоограничивающихся депрессий, которые так часто случаются в поворотные моменты жизни. Во время утраты люди сознательно озабочены тем, кто или что было потеряно, но в глубокой депрессии люди часто больше не знают, почему они находятся в депрессии. Во время утраты, кажется, что мир потерял смысл, но в депрессии это «я», которое рассматривается как уменьшенное или плохое. Личность претерпевает это изменение, отождествляясь с утраченным объектом. Идентификация – это бессознательный механизм, который включает в себя «становление таким же, как». При депрессии идентификация происходит на основе симпатии к объекту, иногда из-за чувства вины, а иногда как способ сохранить отношения с потерянным человеком присутствующими внутри, а не отсутствующими-внешними.

Объяснение этих связей между утратой и депрессией основывается на том, что принять утрату труднее при депрессии [18]. У тех, кто подвержен депрессии, возможность того, что связь с объектом может быть ослаблена, кажется невозможной. Существует конфликт между чувствами любви и антагонизма. Кроме того, отчаянное усилие извлечь любимый объект от агрессии придает сильную болезненность внутренней борьбе человека, склонного к депрессии. Это «щажение» является непременным условием депрессии и ее этическим измерением. Поскольку агрессия не может быть просто исключена из существования, попытка пощадить объект неизбежно означает, что враждебность должна быть обращена внутрь себя. Таким образом, люди, страдающие депрессией, начинают верить, что они плохие, их не любят, ненавидят, что в свою очередь может стать пусковым механизмом для появления суицидальных мыслей и суицида, как единственного решения найти выход из ситуации собственной плохости и накопленная агрессия обратится на себя. Это обращение агрессии и тревоги против себя опосредовано внутренней структурой, критическим Суперэго. Суперэго окрашено собственными враждебными и завистливыми чувствами индивида, так что, при прочих равных условиях, чем больше индивид контролирует свою агрессию по отношению к другим, тем более серьезным становится его Суперэго и, тем больше оно будет довлеть над Эго. А с учетом того, что в южнокорейском обществе Суперэго и без того очень жесткое, несущее большое количество правил и ограничений, то любое усиление этой инстанции, может легко вводить человека в депрессию, а направленная внутрь себя агрессия становится импульсом для возникновения суицидальных мыслей.

Позор или вина?

Особенности истории Южной Кореи, сформировали в обществе скорее «культуру» позора, чем «культуру» вины. Высшая ценность – сохранение лица, заключающаяся в сохранении чести в семье. Для культуры Кореи не характерны такие понятия как покаяние и прощение, характерные, например, для христианских культур. Поэтому стыд наполняет людей, а самоубийство становится способом избежать позора. То есть, если самоубийство из чувства вины было бы актом принятия ответственности за содеянное, то самоубийство, порожаемое чувством стыда и страхом позора, скорее является актом уклонения от ответственности.

В Корее присутствует культ «идеального человека». И, если идеальный образ разрушается, под влиянием жизненных трудностей, неудач и т. д., то ощущение собственной беспомощности

порождает чувство стыда. Это происходит из-за того, что идеальное «Я» требует от реального «Я» невозможного. По сути, оно требует другого «идеально» человека.

Стыд является сложным аффектом и связан с деперсонализацией. По сути, существенные противоречия между «Я» реальным, и «Я» идеальным, является нарциссическим конфликтом, который и переживается как стыд. Следовательно, чем нарциссичнее идеал, тем болезненнее переносятся неудачи, тем сильнее тревога.

Интересным является факт, что действие Сверх-Я приводит к возникновению вины, в то время как несовпадение с идеалом «Я» скорее будет вызывать стыд. И в этом смысле самоубийство спасает от бесчестия. По сути, в отличие от вины, указывающей на нарушение закона и правил, стыд скорее ориентируется на измерение взгляда другого, под которым человек ощущает свою неидеальность.

Безусловно, влияние западной культуры на корейскую, в последние годы неоспоримо, однако это только добавило трудностей и преград к решению проблем суицида в стране. Дело в том, что люди стали больше фокусироваться на личной компетентности, в основном для приобретения материальных благ, но это привело к тому, что импульс, порождающий чувство стыда от провала и травмы семьи в культуре сохранения лица, сместился к личной некомпетентности в современном корейском обществе. Что всё вместе делают эту проблему как запутаннее для понимания, так и сложнее для решения.

Далее, автор хотел бы немного подробнее рассмотреть тему стыда.

Например, в межличностном плане стыд – это эмоция, связанная с унижительным ощущением от личной неудачи, в то время как интрапсихически стыд ощущается, когда человек болезненно переживает несоответствие между реальным «Я» и идеальным «Я».

Совершенно ясно, что стыд тесно связан с этическими ценностями или моральными стандартами человека.

Корейская культура, которая изначально была основана на конфуцианстве и даосском шаманизме, безусловно, оказалась под большим влиянием убеждений, которые несли эти философские системы. В целом, в Корее, конфуцианство, буддизм и даосизм стоят на одной линии и тесно переплетены даже в настоящее время. По сути, культура нынешней Кореи – это запутанный клубок, состоящий из всех трех направлений.

Если ранее автором была рассмотрена роль конфуцианства, то здесь хочется немного поговорить в контексте феномена стыда и о влиянии даосизма. Даосизм считает, что чувство стыда в основном возникает из осознания неспособности осуществить самореализацию. Совершенную реализацию себя невозможно вообразить. Поэтому человеку суждено чувствовать стыд до конца своей жизни. То есть стыд становится буквально фундаментальным мышлением.

Другими словами, даосский стыд возникает из сравнения себя с идеалом, воплощенного в чистоте света как человеческой природы. Однако у корейцев сложилась (конфуцианская) культура сохранения лица, которая контрастирует с даосской культурой с точки зрения человеческого отношения и ценностей. Конфликтующие культуры должны были дополнять друг друга.

Первоначально конфуцианская мораль основывалась на концепции сотрудничества и равенства, однако эта концепция постепенно претерпевала изменения, отдавая предпочтение более сильной стороне перед более слабой. В результате требовалось одностороннее подчинение более слабых более сильным. Даже взаимные отношения между отцом и сыном стали односторонними для сына. Супружеские отношения переросли в подчинение жены мужу и отношения между старшим и младшим превратились в обязанность младшего уважать старшего. Таким образом, отсутствие почтительности детей к родителям, неповиновение жены мужу и неуважение к пожилым, стали считаться худшим аморальным поведением и постыдными поступками, порождая чувство вины, порицания и позора. Такое чувство стыда проистекает не из совести личности, а из морального принуждения общества. Это позор, насильно навязанный человеку моральной силой общества. Таким образом, если стыд, возникающий в сознании личности, называется индивидуальным, то стыд, вызванный социальным принуждением, можно

назвать «коллективным стыдом». Там, где подчеркивается коллективный стыд, группа ставится выше, а человек и его жизнь неизбежно будет ориентирована на группу.

Такое поведение способствует созданию культуры, сохраняющей лицо, которая больше озабочена формальностью и внешним видом, чем содержанием. В отношении культуры сохранения лица корейцы часто используют такие выражения, как «сохранить лицо» / «потерять лицо». С одной стороны, люди должны ориентироваться на внешний мир, общество, а с другой стороны, они должны заглянуть в свой внутренний мир, что только усугубляет внутренние конфликты.

Из этого можно сделать вывод, что современное корейское общество, похоже, находится в конфликте между ценностями современного и традиционного обществ, который наиболее ярко проявляется в том, что многие люди презирают материальные блага или деньги и при этом ревностно гонятся за ними. Современное общество стало ареной конкуренции и достижений. Те, кто достигает большего, чувствуют гордость и превосходство, а те, кто этого не делает, чувствуют себя неполноценными, униженными и опозоренными. Это порождает большое количество тревоги, агрессии, появлению депрессивных расстройств и, как следствие возникновение суицидальных мыслей. Ведь единственным способом избавиться от этого нескончаемого чувства неполноценности, неправильности, неидеальности, осуждаемого стигматизированным обществом – это закончить эту жизнь.

Обсуждение

Анализируя литературные источники вплоть до современных исследований, можно прийти к выводу, что роль культуры как существенного фактора, влияющего на развитие личности, стала общепризнанной сравнительно недавно. Достаточно длительный период времени в западной психологии старались придерживаться модели асоциальности. Это означало, что те импульсы, что исходят от социума, рассматривались как давление, идущее вопреки глубинным влечениям личности, которые становятся источником непрерывных конфликтов и искажения «истинной» личности индивида.

Однако, последние десятилетия, всё больше специалистов в разных областях психологии и психоанализа, в частности, обращаются к теме социально-культурного влияния. Особенно это важно и интересно для изучения культур отличных по своему устройству от западного типа устройства общества.

Исследуя и рассуждая об особенностях южнокорейского общества, автор полагает, что у них преобладает парадоксальность личностных границ: довольно большая проницаемость внешних границ и ригидность внутренних, которые охраняются очень тщательно. При изучении работы психоаналитиков с азиатскими культурами автор пришел к выводу, что работа с такими пациентами крайне затруднена, и что достигнуть хоть малого понимания этих людей возможно только в значительном эмпатическом воздействии. Однако даже этого может быть недостаточно и работа, несмотря на кажущийся хороший внешне альянс, так и не будет иметь глубины. И, чтобы продемонстрировать причины таких сложностей, автором было поведено это исследование, включающее анализ различных составляющих.

Подходя к выводам, следует отметить, что Южная Корея, как страна с достаточно однородным населением, смогла сохранить многие культурные и национальные особенности. До сих пор Корея очень традиционное закрытое общество, не пускающее к себе «чужих». Несмотря на влияние западной культуры в последние годы и старания правительства самой Кореи более ориентироваться на запад, сообщество страны остается очень закрытым.

Конфуцианство же в истоках корейской культуры, привнесло самое сильное влияние на традиции и общественное мировоззрение. Под большим влиянием конфуцианства сформировалось мышление о важности усердного труда, отведения первого места власти и государству, а также подчинению старшим.

Пришедший после конфуцианства буддизм, помимо прочего, установил еще и высочайшие ценности совершенствования души. Интересно, что для буддизма личность не имеет значения,

так как индивидуальность – это лишь иллюзия, приносящая страдание. А цель всего – «нирвана». Можно сказать, что с точки зрения психоанализа путь буддиста – ничто иное, как избавление от желаний (в т. ч. желания жизни), страстей, отщепления от собственного Эго. Это приводит к изъятию либидо, инвестированного как в себя, так и во внутренние объекты. Стоит отметить, что Фрейд, описывая нирвану, говорил о влечении к смерти. Но здесь необходимо задуматься о том, что сама цель буддизма не смерть, а тотальный покой, который, конечно, тоже нельзя назвать жизнью.

Поэтому, в мотивах суицида «позора», возможно, участвует и буддистская модель восприятия жизни и смерти. То есть люди не только хотят уйти от невыносимого существования их нынешней жизни, сколько хотят духовно переродиться.

Кроме того, будучи коллективистским обществом, в Корее присутствует такой социальный феномен как конформизм. Следует отметить, что в обществах, где доминирует коллективизм, вероятно происходит смещение нарциссического либидо из собственного Эго в Эго общее (коллективное), что, в свою очередь формирует коллективный Эго-идеал.

Если рассматривать конформизм с точки зрения психоанализа, то очевидно, что этим феноменом движет тревога. В таком обществе человек в качестве защиты поддерживает фантазию о слиянии, постоянно чем-то жертвует для этого слияния, по сути, недостижимого в полном смысле. Таким образом в психике возникают множество расколов. Индивид всё продолжает приносить в жертву свои желания, свои различия, внутренний конфликт всё расширяется, как расширяется конфликт между собой и другими. И этот процесс, к сожалению, вероятно никогда не завершится, так как никто не сможет добиться успеха. Ведь успех – это не только удачи, но неудачи, которые невозможно принять и следует отбросить, чтобы не быть униженным Эгом-идеалом.

Кроме того, большую роль, на мой взгляд, имеет то, что Корея – это конфуцианское общество, корейцы склонны считать себя его членами, т. е. «своей группы», как обладающими качествами сродства, самопожертвования и взаимопомощи, достигаемых путем взаимозависимых «Я», тогда как «чужая группа» означает несходство, и нацелена на пренебрежение или отвержение. Это разделение на категории «внутри/вне группы» определяет самоубийство как вне групповое поведение, ведущее к дискриминации по отношению к людям, склонным к суициду.

К тому же, огромное давление, которое чувствуют представители южнокорейского общества, пытаясь добиться успеха, усугубляются чувством того, что, если они потерпят поражение хоть где-то, то они станут «неудачниками», позором семьи, позором общества и будут исключены из последнего. И всё, что идет в разрез с пониманием того, каким должен быть «идеальный» человек – порицается и считается постыдным, формируя в южнокорейском обществе феном суицида «позора».

Заключение

В заключение автор хочет обратить внимание и отметить, что для формирования того или иного деструктивного поведения как устойчивого свойства индивида, недостаточно однократного и несколько раз повторяющегося события в детстве. Для этого необходимо очень длительные, повторяющиеся из поколения в поколение действия. И, если мы говорим о массовом явлении, то такие действия, вероятно, должны повторяться сотнями и, даже, тысячами лет. В таком случае мы имеем дело с культурно-социологическими феноменами, отложившимися в подсознании индивида в результате генетической практики. Что, по сути, мы и наблюдаем в примере с Южной Кореей. И это, то, с чем невозможно не считаться. И, порой, это то, что не всегда поддается пониманию с психоаналитической точки зрения.

Однако несмотря на то, что, в конечном счете, наши предрасположенности являются результатом чрезвычайно сложных взаимодействий между генами и окружающей средой, эмоциональная работа, которую мы способны проделать с проблемами нашего собственного разума, может со временем оказать большое влияние на наш конечный результат.

Именно поэтому, необходимо продолжать дальнейшее изучение не только серьезной проблемы суицида, но многих других психологических состояний с учетом исследований областей смежных наук.

Библиография

1. Adler G., Buie D.H. Aloneness and borderline psychopathology: The possible relevance of child development issues. // *International Journal of Psychoanalysis*. 1979. Vol. 60. P. 83-96.
2. An S., Cruwys T., Lee H., Chang M.X.L. Cultural differences in reactions to suicidal ideation: A mixed methods comparison of Korea and Australia // *Archives of Suicide Research*. 2020. Vol. 24(3). P. 415-434.
3. Bibring E. The mechanism of depression // *The meaning of despair*. New York: Science House, 1968. P. 154-181.
4. Biven B., Daldin H. Suicide in adolescence as a compromised formation // *Journal of Analytic Social Work*. 1993. Vol. 1(3). P. 5-24.
5. Blasco-Fontecilla H., Baca-Garcia E., Dervic K., Perez-Rodriguez M.M., Lopez-Castroman J., Saiz-Ruiz J., Oquendo M.A. Specific features of suicidal behavior in patients with narcissistic personality disorder // *Journal of Clinical Psychiatry*. 2009. Vol. 70. P. 1583-1587.
6. Ellis T. Psychotherapy with suicidal patients // *Suicide prevention*. Ann Arbor, MI: Taylor & Francis, 2001. P. 129-152.
7. Freud S. Beyond the pleasure principle. New York: Liveright, 1961.
8. Freud S. Mourning and melancholia. Reprinted (1953-1974) // Strachey J. (ed.) *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud* (Vol. 14). Hogarth Press, London, 1953.
9. Freud S. Mourning and melancholia. Routledge, 2009. 240 p.
10. Freud S. The economic problems of masochism. London: Hogarth Press, 1924.
11. Freud S. The ego and the id. New York: Norton, 1960.
12. Hofstede G. Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011. Vol. 2(1). P. 2307-0919.
13. Jacobs D. Psychotherapy with suicidal patients: The empathic method // *Suicide. Understanding and responding*. Madison, CT: International Universities Press, 1989. P. 329-342.
14. Jones E. The life and work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1953.
15. Kim S., Park J.Y., Lee S.J., Keum R., Kim G.U. Validity and reliability of the Attitudes Towards Suicide (ATTS) scale for Korean adults // *J Korean Acad Psychiatr Ment Health Nurs*. 2019. Vol. 28. P. 382-392.
16. Klein M. A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states // *Love, guilt and reparation and other works by Melanie Klein*. London: The Hogarth Press, 1975. P. 262-289.
17. Klein M. Mourning and its relation to manic-depressive states // *The International Journal of Psychoanalysis*. 1940. Vol. 21. P. 125-153.
18. Klein M. On the theory of anxiety and guilt // *Envy and gratitude and other works by Melanie Klein*. London: The Hogarth Press, 1975. P. 25-42.
19. Klonsky E.D., May A.M., Saffer B.Y. Suicide, suicide attempts, and suicidal ideation // *Annu Rev Clin Psychol*. 2016. Vol. 12. P. 307-330.
20. Kohut H. How does analysis cure? Chicago & London: The University of Chicago Press, 1984.
21. Kohut H. The restoration of the self. New York: International Universities Press, 1978.
22. Korea Health Promotion Foundation. Suicide perception survey. URL: http://research.hp.go.kr/hpResearch/rsrptTma.dia?method=detailView&RSR_IDX=926&mnid=021201000000&searchTitle=&searchHuman=&fromYear=&page=1&searchComp=&outLine=10&sRS_TP=&toYear=&searchKeyword.
23. Lacan J. *Ecrits*. New York: Norton, 1977.
24. Litman R. Sigmund Freud on suicide. In: *Essays in self-destruction*. New York: Science House, 1967. P. 324-344.
25. Maltzberger J. Discussion of Leston Havens' interview // *Suicide. Understanding and responding*. Madison, CT: International Universities Press, 1989. P. 357-362.

26. Maltzberger J., Buie D. Common errors in the management of suicidal patients // *Suicide. Understanding and responding*. Madison, CT: International Universities Press, 1989. P. 285-294.
27. Morrison L.L., Downey D.L. Racial differences in self-disclosure of suicidal ideation and reasons for living: Implications for training // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2000. Vol. 6(4). P. 374-386.
28. Muller J., Richardson W. *Lacan and language. A reader's guide to Ecrits*. New York: International Universities Press, 1982.
29. Ricoeur P. *Freud and philosophy*. New Haven: Yale University Press, 1970.
30. Ronningstam E. Pathological narcissism and narcissistic personality disorder: Recent research and clinical implications // *Current Behavioral Neuroscience Reports*. 2016. Vol. 3. P. 34-42.
31. Sartre J.-P. *Being and nothingness*. New York: Philosophical Library, 1956.
32. Shneidman E. *Comprehending suicide. Landmarks in the 20th-century suicidology*. Washington, DC: American Psychological Association, 2001.
33. Tzeng W.C., Su P.Y., Chiang H.H., Kuan P.Y., Lee J.F. The invisible family: A qualitative study of suicide survivors in Taiwan // *Western Journal of Nursing Research*. 2010. Vol. 32(2). P. 185-198.
34. Van Orden K.A., Witte T.K., Cukrowicz K.C., Braithwaite S.R., Selby E.A., Joiner T.E. The interpersonal theory of suicide // *Psychological Review*. 2010. Vol. 117. P. 575-600.
35. Winnicott D. *The theory of the parent-infant relationship // The maturational processes and facilitating environment*. New York: International Universities Press, 1960. P. 37-55.

Об авторе

Денисюк Виктория Олеговна, кандидат медицинских наук, клиника АО «Медицина» (Клиника академика Ройтберга), viktoriya.denisjuk.2012@mail.ru

SUICIDE OF “SHAME”: A PSYCHOANALYTIC VIEW OF THE PROBLEM OF SUICIDE IN SOUTH KOREAN SOCIETY

Denisiuk V.O.

Abstract

In view of the fact that psychoanalysis as a direction developed in Europe, and then began to spread in the West, where, in fact, it is used quite widely at the present time, it is not at all surprising that Asia, with its specificity, special worldview, special culture and philosophy, to this day remains a “blind” spot for theoretical and practical psychoanalysis. It is known that suicide as a global problem is widespread throughout the world, however, suicidal tendencies are of particular concern among Asian societies. South Korea is a unique phenomenon in this regard. The peculiarities of its history, culture, religion and a society that is completely different from the one we are used to, which in a few decades has transformed the country from a slum into a developed country with an advanced world economy – all this generates a deep interest in studying the society of this country of “suicides”, which pays for success, the mental health of an entire nation was sacrificed as a sacrifice. Or did it all start much earlier, hundreds of years before such a difficult period? To answer these questions, it is necessary to analyze step by step the reasons leading to suicide in South Korea, and to consider them from the point of view of psychoanalysis. To implement this, it is necessary to turn to both the origins of the history of South Korean society and the origins of psychoanalysis.

Keywords

suicide, psychoanalysis, psychology, depression, South Korea, identity, narcissism, suicidal behavior, Confucianism